

Предпочитаю романтическую музыку

Культура - 2006 - 29 июня - 5 июля - с. 16

Ее обаяние безгранично: две-три фразы — и вы навечно у ее ног. Ее игра невероятно пластична и красива — ее пальцы извлекают сладостные звуки из самого заурядного рояля: эта артистка знает секреты, которые мы считали утраченными с уходом великих мастеров прошлого. Но она и принадлежит к тому золотому веку, хотя живет и играет сейчас для нас. Это, конечно же, несравненная, изумительная Белла Давидович, женщина поразительной судьбы. После выступления в Большом зале консерватории с Государственным камерным оркестром под управлением К. Орбеляна Белла ДАВИДОВИЧ ответила на вопросы газеты "Культура".

— Белла Михайловна, ваше участие в юбилейном концерте бывшего легендарного баршаевского оркестра как-то связано с его историческим прошлым?

— Во времена, когда Рудольф Баршай возглавлял этот коллектив, мне не приходилось с ними играть ни разу. Что касается Камерного оркестра под управлением Орбеляна, то у нас были совместные выступления. С сыном Дмитрием Ситковецким мы исполняли Двойной концерт для скрипки и фортепиано Мендельсона, прошедший с большим успехом. В январе этого года я встретилась с Орбеляном в Нью-Йорке после блистательного выступления его оркестра с Дмитрием Хворостовским в Эвери-Фишер-холле. Когда я зашла поздравить солиста и дирижера, то маэстро спросил, могу ли я приехать в Москву. Конечно, из Нью-Йорка вылетать на один концерт очень сложно, особенно в мои годы. Но так как я знала, что у меня рядом с предложенным числом запланированы три концерта с оркестром в Мадриде и все равно буду в Европе, то дала согласие, и вот я здесь. Орбелян сам предложил сыграть мне Первый концерт Мендельсона. Сочинение у меня в репертуаре, и я считаю, что оно имеет полное право звучать в серьезном концерте. В России я его никогда не играла — тем более мне было интересно принять это предложение.

— Вы играете преимущественно с оркестром?

— По-разному. В феврале были три сольных концерта в Голландии. В июле, если позволит здоровье, у меня состоятся два сольных концерта в Германии — в Пассау и в Рейнгау, где проходит крупный музыкальный фестиваль. Так что ограничений особых нет. Правда, думаю, эти летние концерты станут последними сольными выступлениями. Мне сейчас физически легче играть с оркестром и камерную музыку. С такими программами запланированы на осень туры по Германии и Голландии, включая выступление в амстердамском "Концертгебау", концерты в Испании.

— Вы готовили специальные программы к юбилеям Моцарта и Шостаковича?

— Нет. Моцарта я довольно часто включаю в свои программы. Последние пять лет я открывала многие сольные концерты ре-минорной фантазией Моцарта и си-бемоль-мажорной сонатой. В репертуаре 5–6 фортепианных концертов Моцарта. Но сейчас все так уже устали от обилия моцартовских исполнений, что импресарио, наоборот, просят: "Не играйте Моцарта!" Что касается Шостаковича, то я периодически обращаюсь к его Прелюдиям. Особое воспоминание связано у меня со Вторым фортепианным концертом, который много лет назад я исполняла в Большом зале консерватории в присутствии автора. Я выступала с Юсуповым оркестром под управлением Константина Иванова — тогдашнего главного дирижера коллектива. Мне очень приятно вспомнить все хорошие слова, сказанные автором.

— А на репетициях он не присутствовал?

— К сожалению, нет. Мы просили его, но он был занят, как мне кажется, на сессии Верховного Совета и не смог прийти. Я спросила в артистической после концерта: есть ли у него какие-то пожелания? Он сказал: "Хо-

телось бы, если можно, Белла, чуть-чуть сдвинуть темп финала." Что я запомнила и в дальнейшем, если мне приходилось играть этот концерт, я выполняла это указание.

— Оглядываясь назад, расскажите, пожалуйста, с чем был связан ваш отъезд в 1978 году из СССР. Были политические или жизненные причины?

— Мой сын уехал в эмиграцию в 1977 году. Я осталась здесь, так как на мне были мама и сестра, которых не могла бросить. Я заявила тогдашнему ректору, что это решение моего сына, который абсолютно взрослый и самостоятельный человек, но я продолжаю жить здесь, продолжаю работать, играть в России; но если почувствую, что становлюсь "белой вороной", что моим студентам запретят принимать участие в международных конкурсах, то я вынуждена буду уехать. И такая ситуация возникла. В консерватории, где я работала как совместитель — моя основная работа была в Московской филармонии, — мои студенты сразу почувствовали на себе, что в связи с отъездом моего сына мои позиции пошатнулись. Мне "зарезали" две поездки — сняли гастроли в Италии и в Голландии, где я играла с 1966 года ежегодно. Оставались гастроли только по СССР. Надо сказать, что из пианистов моего поколения ни один из музыкантов не выступал по Советскому Союзу больше меня. Я играла буквально везде: бывали случаи, что находилось только пианино, и я играла на нем, выступала в детских музыкальных школах, перед трудновоспитуемыми детьми в ПТУ в Красноярске, которые выражали свое недовольство тем, что после одной из пьес Чайковского начали хлопотать стульями, поднимая сиденья. Я прошла через все. И конечно, страшила перспектива не увидеть никогда своего единственного сына — кто знал в 1978 году, как сложится политическая ситуация в России? В тот момент я, посоветовавшись с близкими, решила, что мне надо тоже уезжать.

— Насколько трудно или, наоборот, легко складывалась ваша карьера на Западе?

— Я прошла весь путь еврей-иммигранта. Вначале я попала в Вену, где вспомнила, что я в один из приездов в Италию играла на рояле "Безендорфер". Мне тут же дали возможность заниматься в ателье этой фирмы в Вене. Затем я должна была выехать в Рим. Там меня попросили сыграть для эмигрантов, находившихся в тот момент в Риме. Я дала концерт в американской церкви, куда пришли представители американского посольства. Меня попросили сыграть в академии, куда съезжаются люди, получившие стипендию для стажировки в Италии. После этого оформление моих документов шло так, как ни у кого. Мгновенно были подписаны все необходимые бумаги, и я выскочила в Америку. Но там меня никто не знал, хотя в свое время обо мне писал знаменитый американский музыкальный критик Гарольд Шонберг, много лет работавший в "Нью-Йорк таймс". Он слышал меня совершенно случайно в Москве, во втором отделении моего сольного концерта в БЗК. По прибытии в Нью-Йорк он общался по радио о том впечатлении, которое оставила моя игра.

— Вы с ним потом познакомились?

Б. Давидович

— Да, это получилось очень забавно. Знаменитый Эвери Фишер, чьим именем назван большой концертный зал в Нью-Йорке, дал грант моему сыну на продолжение его музыкального образования. И, зная меня по выступлениям в Нью-Йорке, пригласил к себе домой помузничать — в тесном дружеском кругу. Мы с Дмитрием с удовольствием пришли. Когда меня после сольного номера попросили сыграть с Димой, я, естественно, поставила ноты. И попросила Фишера, чтобы кто-нибудь мне перевернул страницы. Ко мне подвели некоего господина, которого я спросила по-английски: "Вы — музыкант? Сможете вовремя перевернуть ноты?" — "Да, пожалуйста." Он действительно все сделала хорошо, потом был ужин, пожелания успехов. Когда мы прощались, то я подала руку этому господину, и в этот момент хозяин дома сказал: "А теперь познакомьтесь, Белла, это и есть Гарольд Шонберг". Можете себе представить, какой вокруг стоял хохот! Ведь я спросила у него, знает ли он музыку!

А потом был мой дебют в Карнеги-холле, который прошел настолько удачно, что я получила после этого все лучшие оркестры Америки и лучшие залы для сольных и симфонических концертов. С этого все пошло. Вплоть до того, что я даже справляла 10-летие своей деятельности на сцене Карнеги-холла. Это было отмечено: моя фотография есть в фойе зала и помещена в книгу, которую мне подарили в Карнеги-холле к 100-летию зала. Это все очень приятно.

— Наверное, за годы вашей блестящей артистической карьеры случалось много интересных творческих встреч. Например, с какими дирижерами вам доводилось выступать?

— В моей жизни дирижеров было очень много. Я с большой любовью вспоминаю первого дирижера в моей жизни — Николая Павловича Аносова, отца Геннадия Николаевича Рождественского. Аносов был главным

дирижером в Баку, откуда я родом. Мне было 9 лет, когда я дебютировала с оркестром, сыграв Первый концерт Бетховена. Через два года мы повторили наше сотрудничество — это уже был Концерт Шумана. Перед отъездом в Варшаву в 1949 году Николай Павлович руководил оркестром, с которым мы обыгрывали Концерты Шопена. Другая встреча — с Кириллом Петровичем Кондрашиным, с которым я познакомилась в возрасте 16 лет. Приехал молодой, красивый дирижер в Баку на летний сезон, и мы с ним исполнили Концерт Грига.

Из американских дирижеров вспоминается знакомство с Юджином Орманди. В начале моей американской карьеры импресарио Жак Лайзер написал маэстро Орманди письмо, вложив туда кассету с моей записью и попросив, если будет возможность — дать мне сыграть в Филадельфии. Как ни странно, пришел ответ. Я говорю так, поскольку теперь, когда мой сын стал дирижером, я знаю, какое количество кассет приходит дирижерам, и у них, конечно же, почти нет времени их слушать. Естественно, что Орманди был весьма занят и тоже не слушал. Но на пакете было помечено, что запись сделана с концерта в Милане, и он написал такой ответ: "Господин Лайзер, я получил ваше письмо, к сожалению, мы не можем пока предоставить возможность выступить вашей... певице". Милан у него ассоциировался с Ла Скала. Мы, конечно, посмеялись. Прошло совсем немного времени. Прилетев в очередной раз в Голландию, узнаю, что у меня с оркестром Роттердамской филармонии выступление в Роттердаме, в программе — Второй концерт Сен-Санса, довольно удачная моя работа. А затем с этим же оркестром планируется поездка в Брюссель. Дирижер — маэстро Орманди. Я тогда совсем не могла объехать со своими дирижерами по-английски и попросила мою голландскую подругу, в доме которой обычно останавливалась, помочь. Она при-

существовала в артистической, когда зашел маэстро Орманди, поздоровался со мной и сказал: "Пожалуйста, мадам, сыграйте несколько мест, где у вас есть пожелания ко мне!" Мадам начала играть, и буквально через две минуты он, обращаясь к моей подруге-переводчице, воскликнул: "Почему же мне никто до сих пор не говорил об этой замечательной пианистке!" Моя подруга, зная эту ситуацию, начала громко смеяться. Так мы познакомились. Концерты прошли хорошо, и затем я получила уже приглашение в Филадельфию. Был большой тур филладельфийского оркестра с русской программой, только из сочинений Рахманинова, где я солировала в Первом фортепианном концерте.

Еще вспоминается общение с Риккардо Мути, сменившим Орманди на посту главного дирижера Филадельфийского оркестра. С ним я играла Первый концерт Шопена. Выступала с Эшенбахом, Слаткиным, Джерри Шварцем. Конечно же, с Ростроповичем, когда он возглавлял Вашингтонский национальный оркестр. Мы получали радость от совместного музицирования и также вместе выступали в Карнеги-холле. Как-то произошла трогательная встреча с Куртом Зандерлингом, с которым мы неоднократно играли в свое время в Ленинграде.

— Вы не упомянули еще одного дирижера — Давида Федоровича Ойстраха!

— Действительно, я выступала в его дирижерских концертах и даже участвовала в последнем концерте Давида Федоровича. Он проводил брамсовский цикл в Амстердаме и пригласил меня сыграть Первый фортепианный концерт Брамса. В этот вечер он также дирижировал Вторую симфонию, а потом этот концерт повторился еще раз. По возвращении в Москву он планировал исполнение Концерта Шоссона для фортепиано, скрипки и струнного квартета, который мы с ним неоднократно играли в Ленинграде с Квартетом имени Танеева. Давид Федоро-

вич хотел показать это исполнение и в Москве. У него как раз должен был быть сольный концерт в БЗК, где в первом отделении он собирался играть сонаты со своим постоянным партнером, замечательной пианисткой Фридой Бауэр, а во втором — Шоссона. Но его не стало. Спустя две недели я пошла к тогдашнему директору БЗК Марку Борисовичу Векслеру и спросила: "Осталось ли это число за Ойстрахом, не занят ли зал?" — "Нет, мы пока держим его свободным". Тогда мне пришла в голову мысль сделать концерт памяти Давида Федоровича и сыграть в первом отделении Трио Чайковского "Памяти великого художника" с Олегом Крысой, который был в свое время учеником Ойстраха, и с ныне покойным Михаилом Хомичером, неоднократно выступавшим солистом в дирижерских концертах этого легендарного музыканта. А после перерыва — все-таки Шоссон, но вместо Давида Федоровича будут играть Лиана Исакадзе, в прошлом ученица Ойстраха, и танеццы, которые выразили согласие приехать специально на этот концерт. Так это и было, концерт заснял на телевидении. Прошло время, я уехала, мое имя было вычеркнуто отовсюду. Особенно обидно, что вышла книга о моем любимом профессоре Якове Владимировиче Флиере и в этой книге нет упоминания обо мне. А ведь я была у него первой победительницей на международном конкурсе! Хотя, конечно, я понимала, что таково время. На телевидении пленка исчезла. Но Олегу Крысе удалось узнать, что Трио Чайковского все-таки не размагнитили, и он сумел достать эту запись, ее в Америке реставрировали, убрали шум, и вышел компакт-диск. Вы знаете, до сих пор, когда слушаю, у меня мурашки бегут по телу. Я вспоминаю настроение этого вечера, ту наэлектризованную атмосферу в переполненном БЗК через месяц после смерти Ойстраха.

— Расскажите о вашем семейном дуте с Дмитрием.

— Мы музицируем не только как рояль со скрипкой, но и как рояль и дирижерская палочка. Играть с сыном — огромная ответственность, но и огромная радость. На репетициях бывают творческие разногласия, но пытаемся найти компромисс. Я всегда стараюсь прислушаться к его мнению: ведь у него "теперешние" уши. Переиграв много музыки, мне хочется услышать свежий подход. И я иду на уступки, но и Дима если видит, что я права, то охотно идет навстречу.

— Вы много лет преподавали в Джульярде. Насколько американская система преподавания отличается от Московской консерватории, где вы много лет работали?

— Я ушла из Джульярда, проработав около 20 лет. После Московской консерватории, где я застала еще поколение гигантов — Нейгауза, Гольденвейзера, Оборина, Фейнберга, Игумнова. Затем были Флиер, Зак, Гилельс, — не все для меня было привычно. В Джульярде учатся 4 года. За полгода я должна была дать всего 15 часов занятий. За это время научиться ничему нельзя, тем более что общий уровень поступающих значительно ниже, чем в Московской консерватории. Приходилось давать дополнительные уроки, чтобы студенты выглядели прилично на экзамене.

— Приносила ли педагогика моральное удовлетворение?

— Было довольно много студентов русскоязычных, что облегчало дело, так как мой английский еще недостаточно хорош. У меня не было времени учить язык. Я приехала и сразу же должна была начать играть, иначе бы упустила возможность сделать карьеру: ведь мне шел тогда уже 51-й год, и конкуренция была бешеная! Что мне понравилось в Джульярде: там

ребята играют огромное количество камерной музыки. В мое время в Московской консерватории играли или одну сонату за год, или трио. И все. Там же любой, даже средний пианист, не говоря уже о струнниках, играет массу сочинений. Теперь в Джульярде читается курс, где сравниваются разные интерпретации одного и того же произведения, и студенты анализируют, комментируют их. И приятно, что часто звучат записи Эмиля Григорьевича Гилельса. Я застала его один сольный концерт в Америке в 1979 году. Его там очень любили.

— Какие пианисты оказали на вас влияние?

— Нейгауз, Игумнов, Флиер. У меня с ними был личный контакт. Занятия с двумя последними оставили самый глубокий след в моей жизни. Я вспоминаю их с особым чувством после всех моих концертов, тем более удачных, и мысленно всегда благодарю. К Игумнову я попала еще девочкой, в 12-летнем возрасте, в 5-й класс ЦМШ. Он меня послушал до этого в Баку и сказал моим родителям: "Я с детьми не занимаюсь, но, если пошлете вашу дочь в Москву, я эту девочку возьму". Раз в неделю со мной занимался его ассистент, а другой раз — он. Это была очень интересная работа над звуком. Игумнов говорил: "Клавиши надо не толкать, а ласкать". И я стараюсь следовать его завету.

— А кого из нынешних российских пианистов вы знаете?

— Конечно, это и Михаил Плетнев, кстати, в прошлом студент Флиера, и Григорий Соколов. Они — замечательные музыканты. Я сознательно не называю их пианистами, так как для меня пианист и музыкант — разные вещи. Из более старшего поколения — Элисо Вирсаладзе, Николай Петров, обладающий прекрасным, мягким туше. Этих людей я постоянно слушаю. Например, в конце января, прилетев в Голландию на гастроли, я уже по телефону от своих менеджеров знала, что мне приготовлен билет на сольный концерт Григория Соколова. Он играл Баха, Сонату №17 Бетховена и Первую сонату Шумана. После концерта я зашла к нему и сказала: "Гриша (а я его знала еще мальчиком, дружа с его родителями), моя особая благодарность за последнюю страницу первой части шумановской сонаты. Я никогда в жизни не забуду это звучание, это непрерывное легатисимол!" В Европе у Соколова блестящая репутация. В Америке очень любят Михаила Плетнева, у него всегда аншлаги, публика на сцене. Еще прекрасно принимают Женю Кисина. Он очень раскрылся, много выступает с самыми разными программами, даже с дирижером Ливайном на двух роялях.

— Каковы ваши репертуарные предпочтения?

— Безусловно, романтическая музыка, где я как-то больше нахожу общий язык с автором. Она мне ближе, хотя в моих программах присутствуют абсолютно разные композиторы.

— Играете ли вы современную музыку?

— Почти нет. Правда, к моему 75-летию Родион Шедрин написал замечательный Фортепианный концерт №6, который посвятил мне. Сочинение было закончено тогда, когда я перенесла операцию на глазу и совершенно не могла учить и играть по рукописным нотам. Но он все же прозвучал на моих юбилейных концертах в Голландии: первой исполнительницей стала Екатерина Мечетина, прекрасно сыгравшая его под управлением Дмитрия Ситковецкого. Сейчас концерт издан, и я, если позволю здоровье, собираюсь сама исполнить это сочинение.

Беседу вела
Евгения КРИВИЦКАЯ
Фото Евгения БУРМИСТРОВА